

Соцветья

Вспомню отчизну –
Светло и легко!
Скатерть льняная,
Кувшин, молоко.

Синь эспарцета,
Разливы овса,
Запах покосного
Лета, роса.

Бабушка Ганя
Навстречу с клюкой...
Память,
Не ходит она далеко –

Около речки,
Что нет голубей,
Около близких
Земель и людей.

И за что люблю, не знаю,
Я степной просторный день.
Нетверезая, хмельная
Надо мною голубень.
Мне свиданье назначает
Луг знакомый. И окрест

Начинается венчанье
Первоцветных трав-невест.
И сама ты, мать-землица,
Нетвереза и хмельна.
И звенит под солнцем птица,
Как сердечная струна.

День вихрастый, ветреный.
Излучина.
Море разливанное – ручей.
Прячется за дождевыми тучами
Ласковая глубина очей.

Ивами и домиками низкими
Отчая сторонка подошла.
Вот она – дорога каменистая,
Вот и Новопавловск, и Ташла!

Речка Золка в солнце окунается.
Разве может сердце здесь молчать?!
Знает радость,
 с кем поет и знается,
Видит степь,
 кого ей привечать!

Пашня, как ты хороша
В ожиданье теплых зерен!
Над тобой стоят в дозоре
Звезды в небе не дыша.

Будут лен, паслен цвести –
Вы, поля, богаты влагой.
Грудь моя полна отваги,
Ком земли в моей горсти.

Лохматит почерневшие скирды
Тяжелый ветер, травами пропахший.
Старик, видать, уставший от ходьбы,
Со мною вместе кланяется пашне.

На корточки садится перед ней.
Меня своим вниманием уважив,
О сроках сева говорит. Ему видней!
Не зря же он свои морщины нажил.

Дымится пашня. Синь встает стеной.
Молчу. Мешать попутчику не смею.
Он грустной болью делится со мной:
— Теперь я, дочка,
Не пашу, не сею.

Там, где бываю я редко,
Вновь зацветает сурепка
Цветом разлуки.
Там, где я бегала с пеньем,

Может быть, в это мгновенье
Прежние звуки!

И средь полей, и средь пастухов,
Где меня ливень дубасил,
С тучей кочуя,
Может, все в том же убранстве
Дали за синим пространством –
Это ль не чудо?

Окна мою чистою водой,
Улыбаюсь грянувшему маю.
Окна мою. В дом свой на постой
Лето голосистое впускаю.
Вот и поднялась кругом рассада,
Убирайте от нее стекло:
Защищать от холода
 не надо –
Влага есть,
 земельное тепло.
И, присев на чурку,
 «Слава богу!» —
Шепчет бабка. Весело и ей!
Припекает солнце понемногу.
Сев начнется
 через пару дней.

Скачет вода по оврагам – гляди!
И под ладошкою сердце взбесилось...
А у моих земляков впереди
В поле запарка,
И сено, и силос.

Тропка, клен, дол –
Как к венцу венец.
Синь небес ткёт
Лен ли долгунец?
Старый клен, пой.
В милой стороне
Обожжет взгляд
Солнце на холме.

Пытай нас, жизнь, лишеньями.

Зато

С годами наше зрение острее.

На дне души

Осядет только то,

Что нас когда-то сделало

Добрее.

Без родины моей

Я – мертвый звук

И мертвый свет.

Ни поля у меня

И ни излук,

Ни сердца нет!

Без родины моей

Я – скорлупа.

Душа-птенец,

Где матери моей

Легла тропа,

Где пел отец.

Струны спелой пшеницы,

терновник у круч,

Птиц резвый грай...

Ты в сумятице дней словно солнечный луч,

Милый мой край.

Солончак кое-где в дорогой стороне.

Кто тут пахал?

Видно, пот на его на бугристой спине

Не просыхал.

Серебристой ракиты взлетевшая ветвь.

Милый мой край,

Так как песня,

которую можно запеть,

Лишь пожелай!

За дымами, за холмами

Разгорелся день.

И бежать мне в поле к маме
С узелком не лень.

В узелке и хлеб, и сало,
Соль и молоко...
Дня того рукой касаюсь,
Хоть он далеко.

Отчего, не знаю, это –
Незачем гадать.
Только очень много света
Там, где дом и мать.

Перелистаю взором косогоры
С кипреем и пахучей чередой.
Звените вечно, струны-переборы,
Танцуйте же, стрекозы, над водой!

Пусть в поржавевшей речке слабосильной
Ни красноперок нет, ни окуней,
Но эта речка
Лишь одна в России.
И мне дано
Не забывать о ней.

Отворю-ка я калитку,
Загляну в знакомый двор,
Бывшую соседку кликну
И начну с ней разговор.

Я ее не упрекаю,
Что она в который раз
Повторяет: «Кто ж такая?»,
С-под ладони жмуря глаз.

Я б ответила, но жало
Вдруг вонзилось в грудь мою:
«Неужели я чужая
В дорогом моем краю?»

По проулку – клубы пыли,
В окнах – доброта огня...
Если люди позабыли,

Значит,
Не было меня?

Дома притулились к дороге,
Подвинулись к речке сады.
Вот мама опять замерла на пороге
С неполным ведром воды.

Нет места отрадней на свете:
Колодцы, кусты и трава.
И гладит ладонью лицо
Теплый ветер
И шепчет простые слова.

Деревьев тенистые кущи.
Просторы на запад, восток.
Душа моя здесь остается цветущей,
Как в майскую пору цветков.

Пристроюсь на возке,
А он весь дышит.
Греби, шофер, через душистый луг!
Пытаются взлететь
С пригорка крыши,
Смеются белолистки у излук.

А горизонт и маревый и синий.
Бегут волной веселой ковыли.
Что стало бы со мной,
Коль черпать силы
Я не могла
У матушки-земли?!

Спозаранку дождь явился.
Где он бегал? Что искал?
Над Курою задымился
И над Золкой засверкал.

Прошептал: «Ага, попалась,
Ну теперь давай держись!»

Новопавловск, Новопавловск,
Ну и влипла я, кажись!

Мне себя не жаль нисколько.
Мокну. Кто мне запретит?!
Разбиваясь на осколки,
Сердце с брызгами летит.

Село мое кончается горой
И пыльной дорогою ополья.
«А что за ним? —
Я думала порой. —
Ведь в мире столько песен
И раздолья!»
...Где б ни была, представлю я на миг
Свое село в цветеньи, благовесте...
Мир, в общем-то, не так уж и велик,
Коль отчий край
В нем занял столько места!

Дорога сквозь лето.
Покажется скоро Грачевка.
Над полем надвинется
Тучи прохладная хмарь.
И ветром отбросит
Блик солнечный —
Рыжую челку.
Ивану Акимычу «Здравствуй, — скажу,
— Секретарь».
Пасется июнь тонконогий
На отчих левадах,
И колос торопится
Силой налиться земной.
Поднялся до самых небес
На пути элеватор,
Рокочут моторы,
И выше, и выше все зной!
Мое Ставрополье!
Равнины, распадки, пригорки
В дождях и в туманах,
И в солнце так дороги мне!
Опять тороплюсь я
Навстречу родившейся зорьке.

Идет босиком она
По бездорожью ко мне
И красит пруды и верхушки
Деревьев знакомых
Летучею розовой кистью,
Как делала встарь...
Звонки телефонные
Стены тревожат райкома.
Но разве в райкоме
Теперь усидит секретарь?

Простые радости,
Вы рядом.
Не надо мчаться за версту.
Но снова
 тянемся мы взглядом
Куда-то вдаль и в высоту.

Летают птицы.
Синь бездонна.
Открыты все просторы им!
Они ж – над домом!
Все – над домом!
Все над гнездовиём своим.

Я на чужбине
 уж который год!
Занозой боль
Вдруг обожжет мне сердце,
Увидится растущий по соседству
Бузинный куст
У крашенных ворот.

Нехитрое растение,
Оно
С красавицей агавой не сравнится.
Но отчего ж
Бузинный куст мне снится?
Мой путь назад
Наметился давно.

Бросил двор, полянку, ель,
Свет прозрачного колодца
И не знал, что тех земель
Песня в сердце отзовется

Белоснежным январем
И луной, прильнувшей к раме,
Лопухом и купырем,
Задремавшими дворами.

Я жила тут когда-то травой-лебедой,
Нежным ветром согретая, дальней звездой.

Я любила и ливень, и холод, и зной,
Перепелкой качалась на былке степной.

И мечтаю от родины я вдалеке:
Перепелку степную приважу к руке!

Пусть с ладони моей она зерна клюет,
Пусть как прежде счастливую песню поет.

Отцовский дом
 осиротел.
И смело старый ворон сел
На черную трубу,
Холодную трубу.
А по ярам кизил поспел.
За домом сохнет лебеда.
Напрасно близких я сюда
Зову –
 не видно их.
И дом отцовский тих...
Ужели навсегда?!

Верю – зашепчут литые колосья
Рядом с дорогой моей,
В сердце откроется многоголосье
Струй и ветвей.

И никакой тут мороз не остудит
Настежь распахнутых зорь,

И невозвратное к сердцу подступит
Жаркой слезой.

Земля – синоним
Животворящей силы
И спелого яблока,
Что я сорвать могу...
Чуть улыбнусь –
Враз
Станет земля красивой,
Чуть опечалюсь –
Слезы-ручьи бегут.

Уже в разгаре сенокос
На родине моей.
Гора навстречу – это воз
Пропахших сеном дней.

С граблями люди на скирдах.
Скирды растут, растут.
И день проносится в делах
За несколько минут.

Полетел мой щегол над лугами,
Не коснулся прибрежных ветвей.
По земле я шагаю, шагаю.
Ветер жизни,
Кружись ты и вей!

За себя мне немного обидно,
Вслед гляжу я щеглу моему:
До чего ж далеко ему видно!
Да и разве ему одному...

Над рекой хожу я долго.
Мне Мамайка – тоже Волга!
О камыш взбивает пену
Набежавшая волна.
В копны складывают сено,
Говорят у нас – сена.
Тетка Тоська у излуки

Пирожки сует мне в руки,
Косы бабушка Гарпена
Заплетают не спеша...
Заполнялась постепенно
Добротой моя душа.

В поле и чисто и голо.
Дрема на тусклой стерне.
Перепелиное соло
Так и упало ко мне.
Как было не удивиться
Птице, запевшей не в срок?!
Видно, известно и птице –
Где мой родной уголок.

А полынь, суха, горька,
Разрасталась тут века
И от взглядов не таилась,
Не обласкана трудом...
Видно, горькой жизни милость
Заходила в каждый дом.

Не разбудит степь взлетевший стрепет,
Крыльями полнеба заслоня.
Деревянным журавлем не встретит
Милая околица меня.

Кто-то камень тут убрал с дороги
И терновник вырубил давно.
Не идут, не слушаются ноги...
Нет, не улетел он все равно –

Мой журавль.
И кружит где-то близко,
Вертит длинной шеей так и сяк.
Смотрит он, как пролетает низко
Птиц живых, курлыкая, косяк.

Память, память,
берег осиянный!
Старый двор. Колодец. И поветь.
Вечно жить тут птице деревянной
И тоскливо песни сердца петь.

Люблю свой край. И лишь о нем пою.
Родными песнями всегда хранима,
Его я даже ночью узнаю
По запаху и чебреца, и тмина.

В татарнике, в объятых пустыря
(Гони ее, разубеждай – что толку!)
Ночует память юности – заря,
И там ей и не твердо, и не колко.

Мы жили убого:
Две чашки – посуда,
А вместо гостинцев – слова.
Однако оттуда
И неба полуда,
И жизни моей синева.

Все краски померкнут
Предзимней порою,
И птиц пропадут голоса.
Цветет под горою
Село родовое –
Бескрайней любви полоса.

Я стану землею!
Печальюсь: не будет меня!
Я стану землею.
От смерти меня заслоня,
Навеки земля сохранит
Мою женскую суть:
Цветами и травами
Правнукам выставлю путь.

Вдруг заблужусь
Однажды я на белом свете,
Вдруг увезут меня куда-то силой –
Но родину найду
По той звезде, что светит
Над отчим полем
и над отчею могилой.

Черты случайные утрачены.
И – глубже складка меж бровей.
И все счета уже оплачены
Монетой кровною моей.

Пусть кормит жизнь меня обедами
Из тех же самых перемен,
Живу старинными обетами,
Которых не коснется тлен.

Пока жива земля-отрада,
Родительская сторона,
Мне в жизни ничего не надо –
Цвела,
Рожала бы она.
Я горсть земли
Возьму на пробу
И дух ее вдохну: живет!
Все мои предки хлеборобы –
Я знаю, как она зовет!
Я знаю, как она душиста
И как привыкла к ласке рук.
Прислушаюсь, и чистый-чистый
Ударится мне в душу звук.

Отчизна,
Быть росой тебе,
Крыльцом в бревенчатой избе,
Зарубкой на лесной тропе
Позволь ты мне, позволь!
Моя судьба – носить в себе
Твою живую боль!

Вхожу то хлебным полем я
В твои рассветные края,
То ясной песней соловья,
То ливнем долгих верст.
А без тебя душа моя –
Как будто ночь без звезд.

Не знаю, сердце,
Как тебя постичь!
Что будет,
Если впрямь понять сумею
Молчанье скал
И журавлиный клич,
И эту даль
С бескрайностью своею?
Как мал ты, мир,
И как ты, мир, велик!
И будто кровоточит
Лунное сиянье
Над кладбищем,
Где материнский крик
О каменные бьется
Изваянья...
О сердце,
Как, ну как тебя унять?!
Какими спеленать тебя
Ветрами?
Болишь, болишь
В моей груди опять.
Какие травы приложить мне
К ране?

Аннушка

Люблю твой бережок
С камушком,
Солдатская вдова
Аннушка.
Ну что поникла ты
Плечиком?
У бережка сидеть
Легче ли?
Вода течет, течет,
Мутится,
По ней плывет, плывет
Утица.
Роняет на волну
Перышко.
Я на тебя взгляну
Солнышком...
Люблю твой бережок
С камушком,
Солдатская вдова
Аннушка.

Никогда такого небывало,
Чтоб не слово видела, а слог,
Над своею лишь бедой рыдала
И от окрика сжималась бы в комок.

Просто о себе я забывала
И вблизи искать не смела брод:
Разве без меня на свете мало
Слез людских, печалей и невзгод?!

Не дай мне, жизнь, обезголосеть,
Не дай мне равнодушной стать...
Горят тяжелые колосья,
Солдат в атаках пули косят,
И с похоронкой никнет мать.

Не дай мне, жизнь, обезголосеть
Средь стыни ладожского льда...
Что он пустой глазницей просит?
О чем у тропок и у просек
Кричит латунная звезда?

Мне эта прохлада
Пшеничной волны,
Российские добрые
Синие льны и шрамы земли,
Плач полыни седой –
Завещаны теми,
Кто спит под звездой.

И песни мои, и рассказы о тех,
Кто падал в цветущие
Травы и в снег,
Под дождь и под звезды
Подставив ладонь...
Любви моей им
Возжигая огонь.

Бабушка Арина почернела
От годов, которые не счесть.
В пост она скоромного не ела:
— Грех большой, ведь бог на свете есть!

Мужа сняли у ворот с подводы –
На войне остался он без ног.
И опять глядела она годы
В угол тот, где на иконках бог.

Весть о смерти сына в сорок пятом
К ней пришла. Был этот день жесток.
Похоронкой жизнь ее распята.
Что же, бог, в беде ты не помог?

...Только горе отстоялось как-то,
Как-то распогодились деньки.
В палисаднике у низкой хаты
Розы и тюльпаны –
 как венки.

Бабушка Арина,
Сохранить бы
Мне твой взор, что так
Надрывно тих!
Черное лицо со светлым нимбом –
Все иконы
Пишутся с таких.

Аэродром в Брандесе

*22 июня 1941 г. с этого аэродрома вылетали
немецкие самолеты бомбить советские города*

...Со свастикою шли, виднелись еле
Те самолеты в чистой синеве,
Под страшный рев умолкли колыбели
На Буге, на Днестре и на Неве.

В дубовой роще не щебечет птица.
Куда деваться ей от немоты?!
Земля тут красоты своей стыдится
И прячет в травах яркие цветы.

Камень

Изувечен он пулями весь,
Не отыщется гладкого места...
Сыновей мать оплакала здесь
И с любимым простилась невеста.

Подступить не решилась река.
И туман над ним в клочья разорван.
Не базальт, не гранит,
но века
Охраняет он наши просторы.

От росы ль он горит поутру,
От слезы ль, что копилась годами?
...Мне б у жизни
стоять на ветру
С дивной крепостью этого камня.

Тускло светится
Солнышко красное,
И ракета поет за мостом.
Отпеваю кого-то
И праздную,
Забываю кого-то с трудом.

Все, что было,
Куда оно денется?
Ожиданья полна, как вчера...
Пусть всегда
По родной земле стелются
Золотые мои клевера.

Только бы снова
Дышать под грозою озоном!
Кланяться в пояс и колосу, и камышу...
Я поступаю,
Подумает кто, нерезонно, —
Это лишь кажется, —
Я улыбаясь скажу.

Ясная линия,
Не затуманься, пожалуйста!
Буду идти я единственной
Тропкой из ста
Через дожди и осенние эти
Пожарища,
Только бы даль, что зовет,
Оставалась чиста.

Подруга

Мы бруснику горстями могли
Брать с земли, где задумчивы сосны.
И слепил нас расплывчатый блик
Ненасытного яркого солнца.

Мы отборную ягоду в рот
Отправляли, смеясь белозубо,
И нежданно наткнулись на дот,
Развороченный взрывами грубо.

И подруга моя не смогла
Не припомнить в столе похоронку.
Не брусника,
 а кровь потекла,
Заполняя собою воронку.

Отцов день рожденья девятого мая.
Ну надо ж вот так угадать!
О том, как пришел он с войны, вспоминает
Его поседевшая мать.

А взгляд у отца по-мальчишечьи светел,
Доверчиво миру открыт.
Задавит сигарку,
 посыплется пепел –
Увидится серый гранит.

Окинет он взглядом нас, разом притихших,
Когда все по чарке нальют:
— Сегодня, браточки,
 все пьют за погибших,
А не за родившихся пьют.

Но мать его вздрогнет и с думкой иною
Свою выпьет чарку до дна:
Ведь если б не сладил он с пулей шальнойю
Жила бы старушка одна.

Воспринимали жизнь
Как милость,
У жизни стоя на краю.
Увиделись

И – удивились,
Что оба выжили в бою.

Нечаянной
Не веря встрече,
Слезами прерывая смех,
Прошли они
В тот долгий вечер
Немало отдаленных вех.

И всех погибших
Воскресили,
И выпили за них
 до дна...
В бою спасенная Россия
Лежала пашней у окна.

Ах, леса мои глубинные!
Заплутаю среди троп...
Запевай, отец, любимую,
Чтобы душу брал озноб.

Поднимались в жизни горести,
Словно горы на пути,
У тебя хватило гордости
Ни одну не обойти.

У тебя хватило мужества
На тебя и на меня!
Пусть глаза нальются мукою
Здесь, у Вечного огня.

Ах, поля мои широкие!
Балка тянется к ручью...
Мы с тобой, отец, не робкие:
Жизнь как раз нам по плечу.

Семья растет:
Невестки две, два зятя!
Над вербою склоняется заря.
Дед на рассвете кутается зябко
И думает, что прожил жизнь не зря.

А тут война.
И на четыре года
Покрыла тьма притихшее жнивье.
Невестки как опущенные в воду,
А дед им: «Ничего, переживем!»

Он дочерям заглядывает в лица
И хмурится: «Они и не они...»
А про себя: «Родимая земляца,
Храни себя
И свой народ храни!»

Но полегли сыны и оба зятя.
На поле сиротливое сел грач.
Дед делает свистульки для дитяти,
И в каждой, как ни пробуй,
Слышен плач.

Вот уже улетел соловей
Из негромкой соседней дубравы,
Перепуталось все в голове,
Как в лугах перепутались травы.

Переклик голосов в стороне.
Рассвело. И опять свечерело.
И сегодня люблю я вдвойне
То, что раньше любить
Не умела.

И что знала давно наизусть –
Я теперь уж по-новому вижу...
И дубравы умолкнувшей грусть
Сердцу стала понятней и ближе.

Как бы то ни было –
Дети ухожены.
Пашня свистит на юру.
Бабы идут
За картошкой мороженой,
В Кислом копают яру.

Руки изранены,
Кровушка

Капает,
Стынет и снова бежит.
Так по тылам
Пелагеи с Агапкамн
Держат свои рубежи...

Разрыв-трава,
Плакун-трава
И зелье приворотное...
Торгует травами вдова
Степными и болотными,

Врачует горести
Людей...
Жизнь катит дни ядреные, –
Вдова глядит
На лебедей,
От слез заговоренная.

Идет с корзиною лужком
И кручею отвесною
И без конца
Ведет с дружкой
Беседу бессловесную.

Госпиталь стоял недалеко,
На виду у низких хат и грядок.
Нас отец подбрасывал легко
К потолку и говорил:
«Порядок!

Если на руках моих дитя,
Значит, пулю я оставил с носом,
Значит, можно думать не шутя
О грядущем севе,
о покосах».

Черная береза

Как из чаши, испивши
Из земли слез и боли,
Застонала береза
На все отчее поле.

Стала черной береза
На немом пепелище.
Не щадят ее пули,
Пламя ветки ей лижет.

Ой, береза, береза,
Плачь, родимая, тише! –
На весь край мой российский
Лишь одну тебя слышу.

Я тому говорю, чьи потери
Сосчитать звездочет бы не смог:
— Приходите, не заперты двери
У меня на замок.

Я тому говорю, кто не верит,
Что тут рядом другой одинок:
— Приходите, не заперты двери
У меня на замок.

Слово за слово,
и – заалееет
В небе ряд облаков-лебедей...
Слов хороших я не пожалею
Для хороших людей.

Перед светлыми обелисками

Разливалось небо над сопками.
Паутинка из боли соткана.

Госпиталь стоял недалеко,
На виду у низких хат и грядок.
Нас отец подбрасывал легко
К потолку и говорил:
«Порядок!

Если на руках моих дитя,
Значит, пулю я оставил с носом,
Значит, можно думать не шутя
О грядущем севе,
о покосах».

Я тому говорю, чьи потери
Сосчитать звездочет бы не смог:
— Приходите, не заперты двери
У меня на замок.

Я тому говорю, кто не верит,
Что тут рядом другой одинок:
— Приходите, не заперты двери
У меня на замок.

Слово за слово,
 и – заалест
В небе ряд облаков-лебедей...
Слов хороших я не пожалею
Для хороших людей.

Перед светлыми обелисками

Разливалось небо над сопками.
Паутинка из боли соткана.
— Что ты видишь за белолистками?
— Обелиски все, обелиски...

И вдова я, и мать-печальница.
Жить иначе – не получается.

Даль еще не раз станет близкою
Перед тихими обелисками,

Перед светлыми обелисками.

Дремлет заря в спеющей ржи,
Птица летит в даль-синеву.
Если любовь – долгая жизнь,
Я по реке лодкой плыву.

Розовый куст – сны и мечты.
Каждый листок в сердце продрог.
Если, земля, вечная ты,
Я по земле – сотни дорог.

Катится вдаль времени вал,
Смолкнувший день мрачен и пуст.
Розовый куст,
 что ж ты увял?

Что ж ты увял,
розовый куст?

Цыганка за малую плату
Обманет:
«Здоровый, живой...»
И бабы раздумают плакать,
Поверят:
«Вернется домой!»

Идут на работу гурьбою –
Помог бы победе их труд!
Но только
одна за другою
В село похоронки идут.

И бабы седеют в печали,
Сутуля под бедами стан,
Но все же
цыганку прощают
За тот
милосердный обман.

Дровец подброшу.
Потеплеет
В давно нетопленной избе,
И половицы веселее
Откликнутся печной трубе.

Смахну я пыль с пучка калины,
Притронусь к скатерти льняной,
Увижу из окна долину –
Давно ль здесь бор стоял стеной!

Дорогу дни размежевали
И с рыси перешли в намет.
Безлюдье.
Чья душа живая
В местах покинутых поет?

У меня подруга тетя Паша.
Пусть она на сорок лет постарше –

Старше только лишь на бабий век.
Знают все: хороший человек.

Подоив коров, мы с тетей Пашей
Засидимся на завалинке на нашей,
Не заметим с ней за разговором,
Что уже рассвет начнется скоро.

«Ну, пора, — она мне скажет веско. —
Вот уедешь скоро – будет не с кем
Погутарить о делах. Ступай...»
Я иду. И мне навстречу – май.

А моя подруга, тетя Паша,
В этот месяц молодеет даже.
И хоть все теперь ей трын-трава,
Все же видишь, что она – вдова.

У могилы Льва Толстого

Рыдали здесь российские березы,
Когда фашист рубил их на кресты...
Тела врагов не окропили слезы:
Законы мщенья вечны и просты.

Развеян прах врага.
И мрак той ночи
Собой берез пронзила чистота.
Замру и прослежу неровный росчерк
Летящего осеннего листа.

Баллада о почтальоне

Травы в рассвете волгллом,
Травы в лучах заката...
Для исполненья долга
Федор –
В военкомате.
А военком: «Пригодных
Всех возрастов ты старше,
Трудностей ведь походных
Не обойдешь на марше...»
Федор в село вернулся,
Сделался почтальоном,
Первой беды коснулся,
Плакал непотаенно.
Горе пришло к соседке,

Что колготилась с двойней,
Та закричала: «Детки...»
Выпал из рук подойник.
Федор шел вдоль забора:
«Я ли виновен, я ли...»
Словно в горах озера,
Слезы в глазах стояли.
Как-то зашел в правление,
Встретил начальство, кстати,
Руки дрожат, колени: —
Ослобони, председатель!
Тот лишь вздохнул и вышел...
Федор махнул рукою.
Мимо цветущих вишен
Снова нес горе людское.

Слепой

Осколок выжег мир в момент,
И шрам застыл над бровью.
Солдат, ты видишь столько лет
Степь, залитую кровью,

Вдали спаленное жнивье
И города в разрухе.
В тебе еще беда живет
Безумною старухой...

Ты шепчешь: «Внучек...» всем подряд,
Обочь дороги сидя.
— Слепой! — вокруг все говорят.
Не дай вам бог
Так видеть!

Весть о победе

Катилась эта весть
Проселком
К дальним хатам,
И праздник вспыхнул здесь,
Еще не ставший датой.

Сельчан дождем секло
И спазмами давило,
Соседка о стекло
Ладонь
Раскровянила.

Бежал народ, смеясь,
К правлению под горку,
Проулков узких грязь
Вовсю лилась в опорки...

Заплатами войны
Покрыты платья были.
Но явью стали сны,
Мечты –
 желанной былью.

Немота душой овладела.
Слово замерло на устах:
— Не простая земля, а деда
Подо мной затравевший прах!

Шел мой дед со святою ратью.
— За Советы! — слетало с губ...
Украшал он свою статью
Род людской,
 как дубраву дуб.

Русокудрый и бородатый,
Так любил он напев косы,
Так он радовался когда-то,
Что за дочкой вслед Ванька сын!

Что за севом спешила жатва,
Первым трактором день басил...
Землю в горсть я сгребла.
 Разжаться
Пальцам не доставало сил.

Учительница

Золотая чекань
Над речными затонами.
Разошелся сентябрь
И знай дует в дуду.
У стола костыли
Ставит Вера Платоновна.
Ногу отняли ей
В сорок третьем году.

...Напряженно стучали
В нас пульсы набатные,
Если Вера Платоновна
Речи вела
Так обыденно-просто
Про дни медсанбатные,
Нескончаемые
Фронтовые дела!

Маме

Сколько сотворила ты добра!
Сколько ты придумала придумок,
Чтоб у Витьки, Вовки и Петра
Хлеб лежал на дне холщовых сумок!

Сколько развеселых сентябрей
Золотом ты постаралась выткать,
Чтобы у зеленых дочерей
Было за душою по улыбке.

Вот стоишь, опять глядишь нам вслед
У реки, где полегла осока...
Знаю: всюду нас достанет свет
Глаз твоих,
Как свет звезды высокой.

Из детства

Валенки одни на всех.
 Досада!
Потому проснусь я спозаранку.
Там за огородом и за садом
Стелет вьюга скатерть-самобранку.
И плоды последние рябины
Падают на старую скамейку,
И готовит крупные дробины
Лучший наш охотник Ерофейка.
Упадет снежинка на ресницу
И растает –
 не всплакнул ли кто-то?
...Братовья зовут домой сестрицу.
Валенки надеть и им охота.

А воробьи вокруг метались

Скрипят и еле-еле дышат
Стропила. Рейки вперехлест.

В худом коровнике под крышей
Я разорила столько гнезд.
Меня внизу подружки ждали
В лаптях,
 в отцовских пиджаках.

А воробьи вокруг метались,
Метались перышки в руках.
Ничем себя не оправдаю
Я, вспоминая стоны птиц.
Хотя, со всеми голодая,
Не ела все же тех яиц.

Заботы снова донимают Клаву:
Две дочки и три сына у нее.
Покажется, что стирка ей –
 в забаву.
Вон на веревке плещется белье.
А у нее от стирки снова – цыпки
На маленьких и жилистых руках.
а малышей лишь мимоходом
 цыкнет,
А старших разругает в пух и в прах,
Вздохнет она: «Порядка нет, уюта».
Смущается в присутствии гостей...
Я от нее вернусь,
 как будто с юга –
Так солнышком повеет от детей.

Метель отпела во дворе:
— Спи, баюшки-баю!
Вновь потревожу в конуре
Собаку я свою.
Поглажу шерсть:
«Ну что, Дозор,
Зима у нас в долгу?»
Глазами он окинет двор,
И через миг – в снегу.
Бежит за мной во весь опор
И лает, дуралей.
Бежит за мной он до сих пор.
И мне с ним – веселей!

Хата

И тебе, поверь, поставят памятник,
Хата деревенская моя!
Тень свою раскачивает маятник.
За столом некрашенным – семья.
Обсуждает фронтовые вести ли?
Ждет ли невозвратного домой?
И пройдут сто лет, а может, двести лет –
Эту хату вспомнит правнук мой.
Он войдет, чуть скрипнув половицей,
Перед ним на фото – молодой
Предок дальний, грезивший жар-птицей,
С русою густою бородой....
И тебе поставят, хата, памятник.
Век в печной трубе метелям петь!
Правнук тронет чуть на стенке маятник,
Прежде чем в свой космос улететь.

Кенар

Вот прижился кенар,
 распевает
В деревянной неказистой клетке.
Ни на что уже не уповаает,
Вспоминая о зеленой ветке.
Погляди, какая радость глазу –
Яркое богатство оперенья!
Слушай свист и трели!
Раз от разу
У него заливистее пенье.
Видно, клетка не помеха песне,
Видно, песня и в беде – царевна!
И смычок – он лишь тогда кудесник,
Если в сердце чисто и напевно.

Пчелка

Собирает пчелка мед,
Заполняет соты,
Только дождик переждет
И – опять
Полеты!
Серебристые крыла
В солнышке полощет,
И охватней мне дела
Кажутся,
И проще...

Выпало солнце на долю мою.
Благодать!
Я его жну и вяжу торопливо в снопы
Как далеко-далеко
И как ясно видать!

Лист осенний неслышно упал,
Горизонт просветляя.
Здесь мой прадед колодец копал,
Родничок вызволяя.
У лопаты блестел черенок,
Жег ладони литые,
А поодаль гляделся ленок
В небеса золотые.
И колодец своей чистотой
Озарил всю округу,
И тихонько рассветной порой
Разговаривал с лугом.
А теперь только старая былль
Да во мху горловина.
А теперь только камни да пыль
Сиротливой
равнины.

Мелеет речка год от года.
Боюсь – она сойдет на нет...
Порой, грустя о плотогонах,
Припоминает были дед.
И пирогов ему на ужин
Невестка с рыбой не печет,
И во дворе багор не нужен,
Когда-то был багру почет,
Путь мой обратный
Немыслим –
Не жди у тропы.
Дед гладит редкую бородку,
Отводит в сторону глаза...
На рассыхающейся лодке
Порой блеснет его слеза.

Грозди яблоч-дичков
Зябко падают в лужи.
Жаль, что их не успеть
Свиристелям склевать...
Не о том ли
Осенние сумерки тужат,
Что мне стало труднее
Себя понимать?
Улыбаюсь я там,
Где заплакать не лишне.
И грущу, где грустить
Уже больше не след...
Я гляжу на рябины,
А видятся вишни.
Только вишен моих
И в помине
Здесь нет.
Ожидаю чудес,
А они — на излете.
Чу, того и гляди,
Упадут все ничком...
Скорый на руку ветер
Касанием легким
Гасит грозди рябины
И яблоч-дичков,

Предал друг.
Навалилось горе.
Только все ж и на этот раз
Я от вас, золотые зори,
Отвести не сумею глаз.
Снова бор зазвенит сосновый
Над родной стороной моей.
Со своим приворотным словом
В сад мой явится
 соловей!
Это горе —
 еще не горе!
Не поляжет душа лозой...
Перехвачено песней горло,
Словно горькою бабьей слезой.

Ты, земля моя,
Летела
Бедам всем
 наперерез,
Чтобы птаха в небе пела,
Шелестел листвою лес,
Чтоб вдоль реченьки с излучкой
По серебряным камням
Мчаться мог,
 раскинув руки,
Ретер к милым деревням,

Снова выпала осень на плечи дождем.
Плачем сердце пронзая,
 летят журавли.
Но с любимым весны мы –
 не осени –
 ждем!
Запах лета исходит от теплой земли.
Словно сетью рыбацкой ловят глаза
Разноцветье лугов,
 тополей фонари,
Где сияла недавно небес бирюза
В розоватых лучах
 августовской зари.
Что ты тянешь мокрую,
 дождь, канитель?
Может, смыть вознамерился
 краски земли?
Но не скроет их даже большая
 метель...
Плачем сердце пронзая,
 летят журавли!

Мужчинам

Букеты,
Что вы нам дарили,
Увяли, осыпались, –
А значит, убавилось
Теплого солнца,
Красы с полей.,
Давно уже мы
Только быта сурового
Пленницы.

Хоть все ожидаем,
Что ветер вот-вот
Переменится.
Идем рядом с вами
С пустыми, потухшими
Взорами,
И словно мосты
Перед нами
Мечты наши взорваны.

Облетают
В рощице листья.
Расхрабрился
Ветер нахальный.
И глядит на астры
Анисья –
Затухает
Их полыханье!
А деньки осенние
Рысью побегут
С дождем листопада...
Выйдет завтра,
Ахнет Анисья:
Снег везде.
И нет
 палисада.

О господи, ужель еще дышу!
Слезами я подушку орошу.
Прошу неслышно:
— Ну не засыпай!
Чуть отодвинусь – чую бездны край.

Ребенок уходит,
 взрослея,
Стезю праотца
 повторяя.
— А что же мы в жизни
 имеем?
— Имеем лишь то, что
 теряем.

Надеждой себя
 ободряя,
«Неправда!» —
 воскликну, немея.
— А что же мы в жизни
 теряем?
— Теряем лишь то, что
 имеем.

Храни его, любовь, храни!
Пусть он идет навстречу маю.
Он погасил мои огни
Или зажег их —
 я не знаю.
Ему я мать или дитя?
Постылая иль дорогая?
Или его опять
 Шутя
Заманит в лунный луг
 другая?..

Проходит и час,
 и другой,
 и весь день.
Легла под глазами глубокая
 тень.
А в сердце разлился,
 застыл холодок:
— Раздумал приехать?
Иль, может, не смог?
Гляжу и не вижу.
Еда не мила.
Заброшены книги,
 бумаги,
 дела.
Пронзительной мысли
 жестокий клинок:
— Раздумал приехать?
Иль, может, не смог?
Озябла душа
 под сияньем звезды.
И нет уже больше
 заветной мечты...

Кипит разнотравье
и шепчет у ног:
— Раздумал приехать?
Иль, может, не смог?..

Пока плескалась под мостом
Моя плотвичка среди ила,
Земля родимая
холстов
Уже немало
набелила.
Когда вспугнула первых птах
Я в синеве пути земного,
Окрасилось
немало плах...
Куда ты,
жизнь,
стремишься снова?
Несешь какие облака
Ты у меня над головою?
Ужели напоишь века
Ты новой
Скорбью
мировую?

Ничего вам не надо,
Кроме шороха сада,
Речки, пахнувшей илом,
Да заплаканной ивы.
И никто вам не нужен...
Но о чем же он тужит,
Вечер с лунным кольцом
Здесь, у вас за крыльцом?!

— А если у тебя не так? —
Мой вздох протяжен, —
А если тебе звездный знак —
Песчинка с пляжа,
И степь без тайной ворожбы,
Без явной муки?
Мир пожалей ты —
Разомкни
Скорее руки.

И на просторе
В немом ожидании май.
Белые голуби –
Сполохи доброго света,
Низкий поклон мой
Открытой прос гору весне.
Пахнет жасмином,
И голуби рядышком где-то...
А говорят, что летаем мы
Только во сне.

Дороги новые, края.
Жизнь сыплет красками.
Тому,
Кого не вижу я,
Желаю здравствовать!
Когда грязцой
К нему земля,
А небо – грозами,
Петь для него
Прошу шмеля
В татарке розовой.
Цветы и солнце –
Все ему,
И память долгую...
И как он сделал,
Не пойму,
Меня столь доброю!

Хлебный дух

Хлеб печет сегодня мать.
Повязав платочек,
Сковородки подавать
Просит она дочек.
— Только мне без сквозняков!
Жар от печки пышет...
Напечет и пирожков,
И румяных пышек.
На дубовый стол муки
Пригоршню подкинет –
И смеются колобки,
Мягкие такие!
И растут, растут, растут
Под льняной тряпицей,

Силу хлебную берут –
Надо торопиться.
Хлеб посадит мама.
Вслух
Скажет: «Слава богу!»
И веселый хлебный дух
Потечет к порогу.

Разговор

Затекает разговор
С бабкой Груней дед Егор:
— Что за жисть теперь настала —
За забором каждый двор.
— Да, Егорушка, и в хатах
Не сыскать теперь ухвата,
Печки русской больше нет,
Той, что грела нас когда-то,
Что метала куличи,
От румянца горячи...
Пироги, блины, ватрушки
Вызрели в той печи.
И сидело на печках
До полдюжины девчат
И по стольку же мальчишек...
Ну а что, а что сейчас?
Дед Егор кивнул соседке:
— Печи были, как наседки.
Нет печей – и нет детей,
Некому купить конфетки.

Зной. Акация резная,
И речушки, и стога...
Мать ребенка пеленает.
Он молчит, все понимает,
— Гуси-гуси!
— Га-га-га...
И отец, над колыбелью
Наклоняясь, еле-еле
Треплет щечки у мальчика.
Кто сказал,
 что огрубели
Руки
 в поле у отца?

Монолог крестьянки

И плясала я,
 и пела,
И дышала резедой.
На скамеечке сидела
Под вечернею звездой.
Сеяла и боронила –
Белый свет теперь копчу!
Листья
 в холод обронила,
Голой веткою торчу.
И на этой голой ветке
Даже птицы не поют...
Отдохнуть бы в кои веки,
Да заботы не дают:
Кто накормит скот и птицу?
Дела – кругом голова!
Там, гляди, перестоится
Медоносная трава.
Если б дети или внуки,
Что гостями на селе,
Развязали бы мне руки,
Воротились бы
 к земле!

Зазвенела листва.
Перекинулись кликом пичуги.
По ярам, по холмам
Верховые помчались ветра...
А старик, видно, вновь
Приближение смерти почувял
И старуху свою
Подозвал к изголовью с утра.
— Я забывчивым стал, —
Вырывалось из легких со свистом, —
Я совсем никудышный.
А ты не горюй, не горюй.
Помнишь, как я тебе
Подарил из рябины монисто,
Как таскал за собой
На Алдан,
 а потом на Вилюй?
И старуха кивала:
— Немало деньков нам хороших

Подарила судьба.
И дрожал ее голос слегка.
А по синей рубахе
Катился зеленый горошек,
А по синему небу
Неслись и неслись облака.

Бабушка, снова куда собираешься?
В поле – картошку копать.
Что же ты, бабушка, эдак-то маешься?
Милая, это как знать!

Загорелся дубняк в заовражье.
День и ночь, день и ночь напролет
Златопряха веселую пряжу
По российским сугорам прядет.
Кинусь, ног под собою не чуя,
И туманом развеется грусть.
Доберусь до лесного я чуда,
С дикой яблоней
В чаще сплетусь.
Только вскоре
Задворками, шляхом,
Тонкой кромкою первого льда
Ты уйдешь от меня, златопряха,
Чтобы вновь воротиться сюда,
Покорить меня и опечалить
Уходящей своей красотой...
Пусть летит за твоими плечами
Удивительный мир золотой!

Изготовились птицы к отлету,
Жизнь по новому кругу пошла –
Как у всех, ни свята, ни грешна.
Изготовились птицы к отлету.
Но не стану я все ж сторониться
Новых тщетных надежд, чей обман
Все равно что большой океан
Перед малой российской птицей.
Я не верю годам ни на йоту!
Пусть звенят сушняком на ветру.
Изготовились птицы к отлету
Да и тронулись в путь поутру.

Колодец

Колодцу, может, триста лет.
Дубовый сруб блеснул осклизло,
И громыхнула цепь, и свет
Тугим пучком ударил снизу.
И на ладонь упала ржа –
Столетия эта цепь служила...
Сюда ты редко приезжал,
Тебе навстречу мать спешила.
И ты так верил, что вокруг
Все будет вечно и нетленно...
Ты пред колодцем старым вдруг
В смятенья преклонил колено.
Не тут ли мать твоя всегда
Задумчиво закат встречала?..
Какая яркая звезда
В колодце темном засияла!

Моя любовь,
Не покидай меня!
Пусть в свои права вступает вьюга,
А ты гори китайской розой с юга.
Моя любовь,
Не покидай меня.
Моя любовь,
Не покидай меня!
Во сне, в бреду и у чужого камня...
С тобою на земле прожить века мне.
Моя любовь,
Не покидай меня!

А в деревне столько снега!
Хрустнет радостно в горсти.
— Ты откуда, дочка?
— С неба.
Прилетела погостить.
За окошком вьюга воеет.
— Зря летела, — скажет мать.
Я подумаю: «Живою
Только б вновь тебя застать!»
Обниму ее я молча,
 Попрошу: «Сходи к врачу...»
Вьюга стихнет среди ночи,

А к утру я улечу.
А в деревне столько снега!
Дрема выси замутит...
— Ты откуда, дочка?
— С неба! —
Через дали долетит.

Будто бы в плащики
Город одет.
И островерхие крыши
Как капюшоны.
Лампочки свет
Встретит
Дворняжкой рыжей.
За голосами чужих
Поездов
И за таможенным гвалтом —
Родины
 светлый безоблачный дом.
Снег.
И под окнами галки.

Яблоки-дички

Яблоки-дички
Поздние
Будем рвать с тобой
Гроздьями,
Терпкий сок вкусив,
Жмуриться,
Допоздна листать
Улицы.
Яблоки-дички
Стужею
Налиты опять
Сладкою.
Музыку снегов
Слушаю.
Подошла зима —
Рад ты ей?
С кем ты рвешь теперь
Гроздьями
Яблоки-дички
Поздние?
Ах, они скользят

Льдинками.
По губам скользят
Льдинками.

Как я тоскую о тебе,
А ты об этом и не знаешь.
Хрустит снежок.
Иду к избе.
Изба как в сказке –
Вся резная.
Таких в уральских
Деревнях
Уже немало я встречала...
Летят жар-птицы
На меня
С окошек
 лунными ночами!
Наверно, мастер был влюблен –
Мою тоску в узорах вывел.
Я в синий вечер
На поклон
К своей звезде высокой
Выйду.

Все ищу,
 не могу отыскать я ответ.
Время будто совсем прекратило свой бег.
Что же делать мне в городе, где тебя нет,
Где на темные крыши падает снег?
Мне б наборную сбрую! Имел ее дед!
Да веселых коней попросить у цыган!..
Что же делать мне в городе, где тебя нет?
Не откликнется эхо тихим шагам.
Может статься – забуду я глаз твоих свет,
Сладким соком морозы рябину нальют...
Что же делать мне в городе, где тебя нет?
Вновь о нашей разлуке вьюги поют...

Ни летной погоды, ни рейса, ни брони.
Ужель не увижу, как мать похоронят?
Ужель похоронят?!
Лишь ветер стенающий к горю причастен,

Беззвучные слезы рвут сердце на части,
Рвут сердце на части.
Видать, на земле я немало грешила,
Что мама уйти не простившись решила.
Внезапно решила...
Расходятся в черном родные с поминок,
В руках я сжимаю холодный суглинок,
Могильный суглинок.

Для земли родной
Мне любовь нужна,
Чтоб со мной была
Сон-трава нежна.
Для небес нужна,
Ты, моя любовь,
Чтоб моя заря
Поднималась вновь.
— Не люби его! —
Говорят. — Не твой.
Мне любовь нужна
Для меня самой.

Старые вязы

Словно фонарики нежной листвы
Капли на ветках зазеленели.
Старые вязы, задумались вы
В час этот утренний
 не обо мне ли?
Смолкла ты, юности дальняя песнь, —
Каждый проститься с ней будет обязан...
Но хорошо, хорошо, что вы есть
Здесь, на земле моей, старые вязы!
Встретите птичий переполох,
В мире порядка ничем не нарушив,
Только невольно сорвавшийся вздох
Выдаст и вашу печаль о минувшем.
Друг отвернется иль явится весть
Откликом угмонившейся боли...
Все ж хорошо, хорошо, что вы есть,
Старые вязы у отчего поля.

Кругом проталины
 замельтешили,

Отогревается промерзшая земля.
И роща, ворот распахнув пошире,
Ждет скорого прилета соловья.
Но как бы он ни пел –
 уже я знаю,
Давно я испытала на себе, –
Вовеки не почувствовать мне мая
Без этой тихой думы о тебе.

Искра – жизнь, наверняка!
Искра от кресала...
Проклята моя рука,
Что тебе писала.
Приказала жить душа –
Тонкая береза.
Ветер, листьями шурша,
Разметает грезы.

Любовь

Господи! Я в кои веки
Задрожала, как листок...
У речки, моря, человека
Где-то все же есть исток.
От тебя мое начало –
Все слова и все дела...
Видно, правда я сначала
Лишь ребром твоим была.
Час разлуки неминуем –
Рухнет утро с облаков! –
Но я смертным поцелуем
Все ж пробьюсь сквозь сто веков,
Даже если жизнь мгновенна –
Есть в ней ночь и есть в ней день!
Не погасят пламя в венах
Сорок ливневых дождей.
Пусть судьба наворожила
Нам проклятие в пути –
Так сошлись вдруг наши жизни,
Что векам не развести.
Я иду напропалую,
Звездным ранена огнем.
Умираю в поцелуе,
Воскресаю – тоже в нем.
У любви сердца лишь судьи,

А не сплетен жгучий рой!
Ты ее своею грудью
И ладонями прикрой!
И как прежде, и как прежде
(Будь ты раб или паша!)
У нее из всей одежды –
Только кожа и душа.
Потому свои колена
Преклоняю перед ней:
На мирах, камнях Вселенной
Всюду след ее ступней.

Половодье

Река взбунтовалась,
Раздвинула берег,
Рванулась вперед.
А девочка пляшет,
А девочка скачет
И в водоворот
Бросает косынку
Из яркого ситца
И громко поет:
— Смотрите, смотрите,
И волны резвятся,
И колется лед!
...Смеется девчонка,
Дуреха не знает,
Что по берегам
Притихшие ивы и вербы роняют
Слезинки к ногам.
И ждут в напряженьи конца половодья,
Как добрых вестей...
Тяжелые льдины
Кромсают их кожу
До белых костей.

Я вышла из лесов?
Из речек иль озер? –
Наполнен ими до краев
Всегда мой взор.
С дыханьем ветра я
Лечу на север, юг...
Кирпич я из дворцов
Иль сотен развалюх?

Скажи мне, свет луны,
Я создана тобой?
А к морю выйду я,
Подумаю: «Прибой
Летучих волн
Мне тоже, видно, из родни:
Движения души
У нас порой одни».

Нежная,
Милая песня,
Ты со мной просыпайся,
Ты со мною покайся!
— В чем же?
— Если бы знать!
Птичка моя,
Невеличка,
В руки ты мне не дайся!
Как тебя просто обидеть,
Крылышки
Обломать...

Цветет гречиха.
Улицы тихи.
Дорога на горе остановилась.
Бессонница.
И пишутся стихи.
Я вас благодарю
За эту милость!
Пусть дела мои —
И вкривь и вкось,
И вновь вопросы
Вместо междометий,
Но у меня есть август — милый гость
И есть окно,
Которое мне светит.

Ну кто сказал: «Любовь — одни слова»!
А что ж тогда все остальное, прочее?
Пробившаяся через век трава —
Печальное, живое многоточие?
Не надо обещаний и наград!

Давно свершились важные события...
Мои глаза узнают – ты мне рад,
И это будет лучшее открытие.
Последняя твердыня упадет,
Бессильно будет всякое решение.
К любви живое сердце припадет,
А там, гляди, возможно воскрешение!

Ужель век без меня ты проживешь?
Я без тебя – печальною вдовою?
Мой милый, в кружке с зельем,
Что ты пьешь,
Могу я быть хоть каплей дождевою?

Вешний ветер подул.
Переменчивый ветер в судьбе.
Среди множества дум
Сокровенная есть –
О тебе.
Я ее сберегу,
Через все невезенья пройдя!
Пусть земля то в снегу,
То в сиреневых брызгах дождя.
Пусть июнь на меду
Вновь настоян. И душно в избе.
Среди множества дум
Сокровенная есть –
О тебе.

Затихает, затухает,
Замолкает свиристель,
Ночь-гулена отдыхает,
Постелив в траве постель.
Лишь любовь моя, как коршун –
Когти с каждым днем длинней.
И при ней – обида горше,
А звезда – в сто раз светлей.

Художник

Дождались и тепла, и дождика.
Сколько платьев и юбок плисовых!
Тут подался народ к художнику,

Что на степы ковры расписывал.
По холсту – голубень и марево,
Белый лебедь и красна девица...
Из Надежды, из Старомарьевки
К Дому мастера тропки стелются.
— Ах, какой молодец! Задешево
Продает нам все краски летние...
И у нас, где подушки с прошвами,
По водице поплыли лебеди.
Я их глажу. Перышки трогаю.
И молчат они, безответные.
А отец мой и мать растроганы,
Что мечты у меня разноцветные.

В колыбели рук

За окном метель
Взобьет себе постель,
Заметет окно
На первом этаже...
От роду ребенку
Только семь недель,
Но глядите –
Улыбается уже.
Погоди на рысаках ты,
Время, мчать!
Отдохни здесь у закатов, у излук.
Дай же
Матери ребенка покачать
В колыбели
Утомленных за день рук.
Но ручьями
Побежит вперед марток,
И из лета в лето
Годы зацветут,
Как степная даль.
Узнать бы, сколько впрок
Щедрые поляны
Нам цветов дадут?
Погоди на рысаках ты,
Время, мчать!
Отдохни здесь
У закатов, у излук.
Дай же
Матери ребенка покачать
В колыбели
Утомленных
За день рук.

Я живу как барынька

Погляжу на стареньких,
Седеньким скажу:
— Я живу как барынька! —
Весело скажу.
Своего да алого
Мне нальют винца,
Я рукою правою
Обниму отца.
Левой торопливо я
Маму пригорну,
А потом счастливая
Рядом прикорну.
А слезинка явится —
Коротко вздохну,
Незаметно я ее
Рукавом смахну.
Ой, дорога дальняя!
Сеет луг пыльцой.
Матушка печальная,
Хлеб посыпь сольцой.
...Что живу не барынькой —
Как тебе не знать!
Руки тебе, старенькой,
Дай поцеловать.

Мне это – рай

Квохчет наседка,
В шпорах петух.
Дедушка Сидор —
Штатный пастух.
Горы и доли,
Лук и паслен.
Кто-то развелся,
Кто-то влюблен.
Эх ты, калина!
Эх, конопля!
Вечно живая
С нами земля.
Вам — захолустье,
Мне это — рай!
Дедушка Сидор,
Не умирай.

Песня бабушки

Повидала добра,
Суеты-маеты.
И глупа, и мудра
У последней черты!
С малой тропки моей –
Эта даль, эта близь! –
Дочерей, сыновей
Большаки начались.
На полях васильки
Выцветают – и что ж? –
Золотые деньки
В закрома сыплют рожь.

Воротились и запели скворцы,
Время свадеб у трещоток-сорок.
По оврагу понеслись бубенцы,
И паслен раззеленил огород.
И рванулся ввысь березовый сок,
И глухарь не устает токовать...
Где же молодец плечист и высок?
Как самой мне в путь
Коня подковать?

Свадебные песни.
В прошлом жар обид.
Что же ты не весел? —
Хоть бы сделал вид!
Чтобы нареченной
Не лишиться сна,
Видишь, вся я в черном!
В белом вся – он,
Только где он, белый,
Где он, черный цвет?
Глянь, в лице кровинки
У любимой нет!

Хрустнет на зубах
Яблоко,
В лентах и цветах
Ярмарка,
Воздух раскален.

Персики.
И со всех сторон
Песенки.
И шафранный свет
Стелется.
Смотрит парню вслед
Девушка,
Рядышком другой –
В курточке.
Что же он такой
Сумрачный?

Гуляние

Только скрип половиц,
Только сполохи лиц!
— Что, муж, за вздох?
Аль праздник плох?
Говорит удалой:
— Собирайся домой! —
И кидает мне шаль.
— На печи зубоскаль!
Только скрип половиц,
Только сполохи лиц,
А милок в уголке
С перстеньком на руке.
...К луне, лужку,
К милу дружку
Мчусь по кочкам,
По мосточкам,
Вслед с петель дверь
Сорвет муж-зверь...
Да был бы мне
Он – свет в окне!
Только скрип половиц,
Только сполохи лиц,
Только – ух, да – ох! –
Чем же праздник плох?

Семь раз отмерь, один – отрежь!
Жила и – отмеряла,
Но почему-то все же брешь
Судьба моя давала.
Я стала всем наперекор
На жизнь глядеть иначе,

И с этих пор, и с этих пор
Смеюсь я, а не плачу.
Не отмеряю я любовь,
Кто выдумал ей меру! –
Когда в душе такой простор:
И синева, и вера...

Воспоминанье о любви
Опять ко мне зарей явилось...
Какая боль, какая милость –
Воспоминанье о любви!
Моя любовь, твои глаза
Издали мне улыбнулись,
Издали ко мне вернулись,
Моя любовь, твои глаза!
В них столько доброго огня
И столько щедрого сиянья,
Что никакие расстоянья
Тебя не скроют от меня.

Все никак не могу
Для себя я решить,
От сомнений своих,
От раздумий устала;
— Для тебя одного
В глухомани мне жить,
Бросив дело свое, –
Это много иль мало?
Только вслух я об этом тебе
Не скажу.
Пусть мне юностью
Снится мой город красивый.
Думай, что для тебя одного
Я дышу,
Если это дает тебе
Веру и силы.
А откажут приборы
Иль ливень косой
Упадет на крыло,
Звезд погасит миганье –
Стану взлетной тогда
Для тебя полосой
И дыханьем вторым,
И вторым зажигаем.

Создаю я свой мир по утрам
Из полей, из тревожных небес,
Когда холодно, сыро горам
И когда просыпается лес.
Создаю я свой мир
(пусть звенит!)
Из травы и сиянья лучей.
Когда солнце уходит в зенит,
Создаю я свой мир из ночей.
...Даже если вокруг ничего –
Ни звезды, ни тропы, ни огня,
Создаю я свой мир.
И его
Бесконечность
Пугает меня.

Апшеронские дни

*Мирзе Аждаровичу
Ибрагимову*

1

Куст гранатовый,
Птицей ко мне прилети!
Я притронусь легко
К твоему оперенью.
Словно твой поцелуй –
Ветерка дуновенье.
Куст гранатовый,
Вновь зацветай на пути!
Куст гранатовый
Нашему терну сродни,
Что звенит на ветру
И под солнцем смеется...
Сердце дрогнет мое
И забьется, забьется –
Это вспомнятся мне
Апшеронские дни.

2

Нас в чайхане заморозил Али
Легендой грустной о Девичьей башне,
Что острыми зубцами там, вдали,
Собой пронзила горький день вчерашний.
Щербет солен от слез.
Прочь пиалу!
Вниз не глядеть с убийственной вершины!
...Забрызган кровью двор. Идет к столу

Богач:
«Как, непокорная, решилась?!»
Старинной башне легкий катерок
Мигнет.
И чайка ей плечо заденет,
И пеной ласковый, прохладный ветерок
Ее облепит,
 будто бы разденет.

3

Говорят аксакалы,
 столетий отцы:
«Волны след нашей жизни
 мгновенно стирают,
На бескрайней планете
 одни мудрецы
И поэты в столетиях не умирают».
Принимаю слова эти до запятой –
Аксакалов во все времена
 уважают!
Но спрошу аксакалов:
«А как же быть с той,
Что на свет мудрецов и поэтов
 рожает?»

4

Умерли в крепости древней
Жестокость и ненависть,
Тьма стала прахом,
А Низами из столетий
Спешит к нам явиться!
Чтобы воспеть
Молчанье камней Кобыстана,
Синь Карабаха,
Чтобы улыбкой своей
Озарить наши лица.
Вновь тороплюсь я
В музей Гаджибекова
Слушать прозрачные звуки
Нежных мелодий
И голос певца Узеира...
Вновь размыкаю
Ветрам апшеронским я руки,
Будто с волнением
Я обнимаю
 полмира.

5

Говорил аксакал мне:
— Скрывать я не стану,

Что хранитель я
Первых легенд Кобыстана.
Но навечно даны мне
Глаза молодые
Любоваться луною
И девичьим станом.

А пращурьы мои
Ходили в битву
С копьем и саблей,
Падали с коня...
Какая ж это
Светлая молитва
Спасла их продолжение –
Меня?
Несу я от седых времен
Бояна,
От срубленной без гвоздика
Избы
Моим потомкам –
Богатырство нрава,
И добрый рост,
И русые чубы, взгляд прямой,
Как путь стрелы летящей,
И памяти
Неистребимый жар.
Я слышу песню,
Мой далекий пращур!
Ее поет
Твоя душа-гусяр.

Письмена

Прорастают из веков
И секиры, и кольчуги,
Плачи,
 сирые лачуги
И булыжный стук подков.
Я читаю письма:
Хмель избушку завивает,
Деву сон одолевает
У окна с куделью льна.
Гонит озеро волну
Расписной ладье навстречу,
И летит с добычей кречет,

И тревожит хан страну.
Все, что было меж людьми,
Письмена хранят, как книга,
И встает над ханским игом
Иго гнева и любви.
Потекут сквозь письма
Стяги и гербы славянства
В неоткрытые пространства,
К вам,
В иные времена.

Сергиевские колокола

*«Восславим жизнь свою миру на диво,
чтоб старые рассказывали, а молодые помнили...»*

Дмитрий Донской

I

Русь, то сон или явь?
Горе – неизбывно.
На родимых полях
Кровь людская стыла.
Сколько слез на веку
Отозвалось мстью,
Каково кулику
Петь в неволе песню?

II

В тихой келье Сергия – князь Дмитрий.
Не скрывал игумен горьких слез.
Прошептал горячие молитвы
И икону к Дмитрию поднес:
— Верно, княже, почернели лица.
От беды, от горя меркнет свет.
Братьев в плен уводят вереницей,
Топчут веру нашу столько лет.
Стар и сед я, — на колени встал он, —
Стар и сед, но тоже взял бы меч!
Будет сеча, аки не бывало.
Реки крови по равнине будут течи
Рвется в битву инок мой Ослябя,
В путь с тобой собрался Пересвет.
Пусть твой дух в походе не ослабнет!
Да исполнится наш господу обет.
...Полыхают хаты на Руси,
На разутой, на раздетой догола!
Сергий, Сергий, ты не голосить —
Бить в набат велел колоколам.

III

Отовсюду, глянь, кмети-воины
Пособить спешат князю Дмитрию.
У коломенцев кони поены,
Но румянец с лиц слезы вытравят.
Из Кремля верхом Дмитрий выехал,
Ополчение разом дрогнуло.
И нырнул тогда в речку выхухоль,
Волк прислушался к гулу долгому.
Войско храброго Володимира,
Серпуховского князя, в стремени.
Многоплодна гроздь – осень дивная,
А сорвать ту гроздь – нету времени.
И в Московскую рать огромную
Две дружины князей Ольгердовичей
По пути влились под Коломною,
На врага неся копья и мечи:
— Ну, Ягайло-пес, твой искупим грех,
Коль поганых взял ты в соратники!
Ты теперь для нас, аки червь в зубех.
Коль не враг Мамай, то не братья мы!
Бренк боярин коня поपाивал,
Думал: «Лада-жена исплачется...»
В небе облачко тихо таяло,
Белый княжеский конь артачился.
А боярин журил его, сбруею
Любовался и длинной гривею,
А ковыль серебрился струями,
И блестело в нем солнце дивное.
Никла травушка, никла блеклая.
Ой, горька полынь, как тоска очей!
И орлиному вторил клекоту
Рати кованой звон стремян, мечей.

IV

Хорошо сказать:
Кованая рать!
Но не всяк с копьем
И с кольчугою.
Был бы панцирь хоть –
Кожаный куяк!
Ну, а так спасет
Разве чудо лишь...
Скачет вон всюю
Сухоборц Васюк,
Там же Гриди Хрульц с Сенькой Быковым.
Им с рогатиной –

Бить зверей в лесу...
Нет, на всех мечей
Русь не выкует!
Гневом полон взор.
На древке топор,
Сабли острые
Да блестящие.
— До каких же пор
Нам терпеть позор!
В лихолетии
Сколько мучаться?!
Вот стой, стой! —
Ропщет люд простой,
Тряся копьями,
Глядя бороды.
Вышли на простор
В латах конники
Да в ордынскую
Смотрят сторону.

V

«Синий Дон, синий Дон.
Белый конь стреножен.
Недалече ты, дом,
А дойти не сможем...
Ты прости сына, мать,
Сгорбленная вестью!
Будет женка рыдать,
Позабудет песни!» —
Думал так Федор Зов
У родного Дона —
«Двести тыщ голосов —
Сколько ж будет стона!
Ведь Мамай раза в два
Превосходит силой...»
Опадает листва
В Дон текущий, синий.
Ой, на знамени Спас,
Ой, великий боже!
Взял бы выручил нас,
Если правда можешь!
И молчал Спас в ответ.
Что же мог сказать он?!
Александр Пересвет
Гарцевал пред ратью.
Богатырь сей — монах,
Бывший воевода —

В монастырских стенах
Лоб кровавил сводом.
И не мог он никак
В клобуке монашьем
Ждать, пока страшный враг
Стопчет земли наши!
И легла на плечо
Божия десница:
— Завтра, сыне, мечом
Будешь ты молиться!
Ой, Непрядва,
 синий Дон.
Узловая вежа!
Кони ржут. Стяги. Звон
Воинских доспехов.
Тут – вся Русь
 на весы
С травкою шелковой.
Поле русской слезы –
Поле Куликово!
Через столько-то лет
Небо голубеет!
Где-то здесь Пересвет
Рухнул с Челубеем...

VI

Наступает время битвы,
На коня садится Дмитрий
И товарищами кличет
Воинов, пришедших в рать.
— С нами Сергия молитвы.
Защитим поля, селитьбы!
Или славу туто сыщем,
Или всем нам умирать!
День разведрился мгновенно,
Дон у берега взбил пену,
Солнца лик на парацинах,
На мечях смеясь взошел...
И сошлись копий стены,
Кони топчут убиенных,
Полк Засадный из дубравы
Видел: ратный труд тяжел...
Знамя черного окраса,
Княжье знамя с ликом Спаса
Знаменосец перед Бренком
Будто пред царем понес.
Впору царская одежда,

Но уже закрыты вежды –
Бренк ордынцами изрублен.
У Оксенъи будет слез...
Князь Димитрий – ярый ратник,
Бьется там, где бьются братья:
— Позади скрываясь, можно ль
Мне вас к смерти призывать?!
Слово, братья, будет делом!
Пол-Руси вон овдовело,
Коль от сечи схоронюсь я –
Лучше вам меня не знать!
Стрелы. Сабли. Меч двуострый!
На Руси восплачут сестры!
Очи меркнут, молкнут звуки,
Красная трава у ног.
Пот кровавый. Конский топот.
Тут Засадный полк с Боброком
Из дубравы вынес копыя –
Больше ждать уже не мог.
Звона! Яростного крика!
Поле солнцами покрыто –
То валяются повсюду
Наши, русские щиты.
Кроме солнц на них грифоны –
Воин с палицей. Иконы
Из дрожащих рук упали
На кровавые следы...

VII

Здравствуй, воля! Лада, здравствуй!
Дон пока еще шел красным,
От беспамятства князь Дмитрий
Приходил в себя пока...
Сын и суженый, и деверь –
На один десяток девять
Не поднялись с поля сечи,
Хоть остались жить в веках!
Как шумят хлеба и травы!
Поле грусти, поле славы!
Как тобой мне не гордиться,
Русской доблести исток?!
Все пройду тебя я, поле,
Чтоб понять, какую болью
И какую высотойю
Напоен простой цветок.

VIII

Но еще не через год, не через три
Спрячет вой в колчаны татарва.

Русь, рубахой кровь с лица утри!
Сабля, пой. Играй-ка, булава!
Ах, не потому ль — кого спросить! —
Красные рубахи на Руси?
От Руси смиренья не проси,
Древнерусский величавый храм!
Сергий, Сергий,
Ты не голосить —
Петь велел литым колоколам!